

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: ОПЫТ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ¹

Г.В. Можяева, Н.А. Мишанкина

В статье отражены результаты исследования дискурса историографических источников как единого информационного объекта для выявления всех видов информации, содержащейся в нем, включая скрытую информацию, и выстраивание модели информационного поля историка. Оригинальность подхода основывается на смещении фокуса исследования в область информационного потенциала языкового кода текста, в попытке объединения исторических и лингвистических методов для достижения цели максимальной экспликации всех видов информации, содержащихся в тексте.

Основным результатом стало выявление возможностей применения информационного подхода к анализу историографических источников, а также применение лингвистических методик для «развертывания» латентной информации, содержащейся в историографическом тексте.

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF SECOND HALF XVIII CENTURY: EXPERIENCE OF THE HISTORICAL AND LINGUISTIC ANALYSIS

G. Mozhaeva, N. Mishankina

In the article are reflected the results of research of a discourse of historiographic sources as uniform information object for revealing all kinds of the information contained in it and forming of model of an information field of the historian. Originality of the approach is based on displacement of focus of research in area of information potential of a language code of the text.

The basic result became application of the information approach and linguistic techniques for "expansion" of the latent information contained in the historiographic text.

Подход к историческим исследованиям с позиций теории информации приводит к изменению основного объекта исторического исследования. Если ранее в качестве объекта рассматривался источник как носитель открытой информации, то теперь основным объектом изучения становится не зафиксированная в источнике в знаковом

---

¹ Работа выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 04-01-00386а).

виде часть информации, а вся информация, в том числе скрытая, латентно присутствующая в источнике.

Рассматривая информационную сущность исторического источника, следует признать, что информация содержится как в тексте в открытом и латентном состоянии, так и в самом носителе, в контексте, в личности создателя информации. Субъект отражает реальность и сам отражается в источнике, т.е. выступает как отражающийся объект. При этом информация, передаваемая в источнике, не равноценна той информации, которую стремился передать автор источника. Информация всегда выступает как результат отражения объекта субъектом. Источник фиксирует уже осмысленную информацию, отношение к ней. Источник – это результат информационной деятельности субъекта по отбору, накоплению, переработке и кодированию информации, и поэтому неизбежно отражает индивидуальный способ моделирования и представления фрагмента информационного континуума субъектом, отражает специфику его мировоззрения, его картину мира.

Не менее важно и то, что большое количество информации присутствует лишь в скрытом виде. Резонно возникает вопрос: можно ли изучать незафиксированную в письменном источнике информацию? Можно, если она имеет знаковую форму. Но любая знаковая информация – это «сырье», она нуждается в адекватном современному языку переводе, в декодировании. Языковой код, фиксирующий информацию, является первичной информационной средой, вбирающей и, соответственно, передающей самые различные типы информации об объекте и субъекте текста. Более того, процесс поэтапной передачи информации сопровождается многочисленными перекодировками, каждая из которых лишь усиливает субъективное начало источника.

Расширение объекта исследования требует и обновления методов. В данной работе рассматривается возможность применения теории информации и информационного подхода к анализу историографических источников, а также исследование корпуса историографических источников для «развертывания» латентной информации, содержащейся в них.

В качестве методологии исследования применяется теория информации, что открывает возможности для междисциплинарного синтеза и применения естественнонаучной методологии в гуманитарном исследовании. Принимая теорию информации как методологию источниковедческого (шире - исторического) исследования, мы допускаем возможность применения информационного подхода ко всем видам исторического источника, включая как массовые, так и самодостаточные

(уникальные), к числу которых могут быть отнесены и исторические труды (историографические источники).

Информационный подход означает концентрацию всего внимания исследователя на информации и связанных с ней процессах. Центральная идея информационного подхода состоит в изучении предельно разных объектов как информационных феноменов и процессов [9].

Информационный подход позволяет привлечь в качестве объектов исследования новые категории, связанные с теорией информации и информационными взаимодействиями – категории, от которых зависит степень усвоения информации: информационное поле и информационная среда, в которой существует источник и его автор.

Методика исследования основывается на том, что каждый исторический (историографический) источник представляет собой источник информации, к изучению которого применимы, в первую очередь, источниковедческие методы, направленные на извлечение информации из источника, ее переработку и хранение.

Если мы рассматриваем историографический источник как продукт информационной деятельности, то необходимо помнить о том, что первичной коммуникативной информационной средой является язык. Поэтому в первую очередь следует обратить внимание на лингвистический анализ историографического текста. В качестве основных методов первичного лингвистического анализа информационного поля историографического источника могут быть применены системно-структурные лингвистические методы семантики: компонентный, дистрибутивный анализ, трансформационный анализ.

В связи с тем, что информационный потенциал историографического источника предполагает соединение различных картин мира: объективная картина мира эпохи-источника – субъективное видение мира интерпретатора 1 (создателя текста) – картина мира историографического текста 1 – субъективное видение мира интерпретатора 2 (читателя текста) – картина мира текста 2, наиболее объективным нам представляется контент-анализ историографического текста. «По сути контент-анализ использует чисто лингвистическую информацию о характеристиках текста и пытается выявить его семантические особенности. Сущность контент-анализа заключается в том, чтобы по внешним – количественным – характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения о его плане содержания и, как следствие, сделать выводы об особенностях мышления и сознания автора текста – его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях и т.д.» [1].

Предварительный анализ литературы показывает, что информационный подход к анализу историографических источников, комплексный по своей сути и базирующийся на принципах междисциплинарного синтеза, является новым и оригинальным.

Безусловная оригинальность его основывается на смещении фокуса исследования в область информационного потенциала языкового кода текста, в попытке объединения исторических и лингвистических методов для достижения цели максимальной экспликации всех видов информации, содержащихся в тексте.

В качестве объекта информационного исследования определены труды русских провинциальных историков, которые содержат значительный пласт латентной информации, позволяющей раскрыть характер взаимоотношений столичной и провинциальной историографии в России во второй половине XVIII века. Предварительный анализ источников данного типа показывает их качественное отличие от работ столичных историков.

Выбор объекта не случаен. XVIII век по праву считается временем становления национальной исторической науки в России. Процесс превращения средневековой российской историографии в научную в первую очередь базировался на внедрении новоевропейского рационального способа мышления. Сам процесс протекал как бы на двух уровнях: в виде упрочения так называемой большой или общерусской историографии и историографии провинциальной. Между этими субисториографиями устанавливались определенные взаимосвязи, одинаково значимые для исторической мысли в целом [7].

Наиболее яркими представителями провинциальной историографии являлись историки-самоучки В.В. Крестинин, И.И. Голиков и др. Василий Васильевич Крестинин известен как талантливый ученый-самоучка второй половины XVIII в., знаток истории Русского Севера и одновременно как заметная фигура в масштабе всей русской исторической мысли. Имя Ивана Ивановича Голикова, хорошо знакомое образованному обществу конца XVIII - первой половины XIX века, в отечественную историографию вошло прежде всего благодаря его уникальному 30-томному сочинению о Петре I и его эпохе. Этот труд, написанный непрофессиональным историком, оказался наиболее значительным среди всех публикаций о петровской эпохе из работ, появившихся после смерти реформатора, и примерно на полвека определил основные направления в изучении истории Петра Великого.

Анализ творчества провинциальных историков показывает, что они занимались в основном сбором эмпирического материала, создавая тем самым источниковую базу для развития столичной историографии. Развитию источниковедения, сбору эмпирического

материала содействовала политика русских цариц Елизаветы Петровны и Екатерины II, которые предприняли ряд мер для сбора «русской старины»: экспедиции по русскому Северу, «ломоновская анкета», призывавшая образованных людей России искать памятники старины и сдавать их на хранение в архивы и т.д. На археографическую деятельность общество ориентировала ломоновская анкета 1760 года, предлагавшая присылать в Академию наук местные исторические документы. Необходимость собирания источников обосновывалась и научно-познавательными задачами. Важным становится включение источника в решение проблем познания, осмысления исторического процесса. Главной же задачей историка становится задача источниковой обеспеченности трудов, пронизанных новыми методологическими подходами к изучению прошлого.

Во второй половине XVIII столетия начала развиваться и кружковая деятельность, положившая начало формированию профессионального сообщества историков в России. Любопытно, что первые исторические кружки возникли практически одновременно: в столице – «Общество истории и древностей российских» – и в провинции – кружок архангелогородских любителей старины «Общества для исторических исследований». Возникновение обществ не было случайностью. Скорее, оно стало результатом развития науки, возрастающего интереса к прошлому и потребностей в просвещении народа. Общественные деятели второй половины XVIII века искали организационные формы, которые дали бы возможность бороться за просвещение в условиях относительной независимости от государственного аппарата [11]. Одной из таких форм и стали «вольные» научные общества. Деятельность этих обществ, хотя на первых порах она и оказалась сведена к простому собиранию и сохранению исторических материалов, способствовала не только развитию профессионального исторического знания, но и широкой популяризации истории.

Проблема взаимоотношений столичной и провинциальной историографий слабо исследована в современной историографии. Утверждение о заимствовании провинциальными историками текстов и идей столичных историографов, оценка реальной роли провинциальных историков в становлении российской историографии требует проведения комплексного междисциплинарного исследования информационного потенциала источников.

Рассмотрим основные этапы и результаты проведенного исследования.

На первом этапе работы был организован сбор эмпирического материала на основе анализа развития российской историографии во второй половине XVIII столетия.

Состав первичной выборки источников был определен тематически – все анализируемые работы посвящены Петру I, освещению и оценке его деятельности. Это связано с тем, что интерес к деятельности Петра I являлся одной из характерных черт историографии XVIII века. В контексте общего историографического процесса труды историков о Петре I – прямой результат усилий самого царя, направленных на внедрение в традиционную русскую культуру новоевропейского научного сознания. Петровский эксперимент положил начало формированию в XVIII в. своеобразной национальной модели рационалистической исторической мысли. Господствующий на данном этапе стиль мышления концентрировал внимание историков на «образе правления», свойственном России как одной из европейских держав. Центральное место в этих характеристиках занимали «деяния» монархов, то есть, прежде всего, их умение управлять народом для всеобщей пользы, а в основе выяснения причинно-следственных связей между событиями лежало преувеличенное представление о роли монархов и других выдающихся личностей.

В зависимости от своего опыта, авторы XVIII в. освещали разные аспекты деятельности государей. Эти различия определили своеобразную специализацию в исследовательском труде. Изучение роли правителей и дворянства в общегосударственном масштабе занимало имперскую историографию. Провинциальная историография дополняла ее освещением политики монархов в отдельных землях, в сословном строительстве, в экономической и других сферах.

В состав первоначальной выборки вошли три историографических источника:

- 1 – «Слово похвальное блаженным памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года» М.В. Ломоносова [6],
- 2 – «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И.И. Голикова [2],
- 3 – «Подлинные анекдоты о Петре Великом» И.И. Голикова [3].

Все тексты представляют один этап в развитии российской историографии – вторую половину XVIII столетия. Вместе с тем, имя М.В. Ломоносова связано со столичной историографией, а И.И. Голиков был типичным представителем нарождавшейся во второй половине XVIII века провинциальной историографии.

После определения выборки источников была проведена их предварительная обработка, оцифровка, корректура в соответствии с особенностями графики XVIII века.

Были уточнены методологические основания исследования, которые мы находим в теории информации. Такой подход позволяет акцентировать внимание на информационной природе языка: с одной стороны, язык – это средство коммуникации, код, позволяющий передавать информацию; с другой – язык является ментальной

информационной средой, в пределах которой только и возможно развитие человеческого сознания.

Языковой код является первичной информационной средой, хранящей и передающей самые различные типы информации. С помощью языкового кода может быть передана информация разной степени осознанности и сложности. Более того, естественный язык позволяет осуществлять «сворачивание» информации, передачу ее в сжатом виде. Информационная, дескриптивная природа языка позволяет создавать разные модели описания объектов реальности, выражающие прагматические установки субъекта высказывания (текста).

Эта точка зрения последовательно разрабатывается в лингвистических работах, посвященных проблеме языковой картины мира [1; 5; 12 и др.]. Исследователи обнаруживают различные способы оформления представляемой информации, которые зависят, в первую очередь, от прагматических, коммуникативно-функциональных установок автора.

При анализе моделирования в тексте неизбежно встает проблема определения видов языковой информации и средств, с помощью которых могут быть переданы разные виды информации, потому что даже на первый взгляд становится ясно: текст – это необычайно сложная, иерархически организованная коммуникативная система, состоящая из разноуровневых единиц, которая позволяет оперировать информационными блоками различной степени сложности. В таком случае можно предположить, что за единицами разных уровней оказываются закреплены различные информационные функции.

В настоящее время в работах исследователей языковой семантики [4; 5; 10 и др.] выделяются следующие основные блоки языковой информации:

- 1) объективная информация, связанная с восприятием и осмыслением событий, протекающих во внешней среде;
- 2) субъективная информация, представляющая собой разнообразные виды информации, идущей от субъекта речи и включающие как прагматическую его установку, так личную оценку ситуации.

Выявление этих видов текстовой информации требует применения целого комплекса методов, которые разработаны современной лингвистикой. Применение этих методов к историографическим источникам и составило основу данной работы.

Лингвистический анализ текста традиционно принято начинать с системно-структурного метода, позволяющего выявить типы единиц, формирующих текст. Анализ проводится в соответствии с уровневой моделью языка, центральной моделью структурной лингвистики.

Минимальной единицей, минимальным информационным блоком, объединяющим различные типы информации, является слово – единица лексического уровня языка. В связи с этим, *на первом этапе* анализа необходимо выявить лексический состав текста и характер референции, выявить отношения между лексическими единицами.

По характеру референции все анализируемые тексты связаны с темой Петра I, но образ его моделируется по-разному.

Текст **«Слово похвальное блаженным памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года»** затрагивает различные референтные области, связанные с родственными отношениями и политической деятельностью Петра I.

Это проявляется в лексическом составе текста.

Лексика с конкретным значением составляет менее трети всего текста, но вместе с этим она весьма разнообразна и часто употребляется метафорически. Метафорическое значение имеют топонимы, ландшафтные названия, названия стихий, названия предметов, связанных с ритуалом управления государством, названия физических действий и состояний. Активная метафоризация придает группе конкретной лексики абстрактное звучание.

Группа абстрактной лексики более многочисленна, большую часть составляют единицы с оценочным значением: премудрый, всемогущий, великий, опасный и др.

Велика группа слов, определяющих эмоциональные состояния: радость, удивление и т.п. Столь же многочисленна лексика, именуемая ментальные состояния и действия. Разнообразна лексика групп, описывающих черты характера человека и различные сферы деятельности: наука, искусство, военное дело, путешествия.

Если мы посмотрим на лексический состав текста с точки зрения экспрессивной, эмоциональной окрашенности, то обнаружится, что эта группа явно многообразнее и многочисленнее нейтральных единиц. Это позволяет говорить о направленности текста на эмоциональное воздействие, а не только на передачу информации.

Текст И.И. Голикова **«Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России»** также затрагивает различные референтные области, связанные с деятельностью Петра I.

Здесь наблюдается очевидное преобладание конкретной лексики. Имена собственные немногочисленны и по преимуществу носят реальный характер. Достаточно точно определяется пространство: Россия, Нерчинск, Пекин. Топонимы привязаны к конкретным событиям и ситуациям. Лексика с конкретным значением не метафоризируется.

Абстрактная лексика представлена по преимуществу названиями ментальных действий и состояний (подумал, рассудил, узнавал), черты характера также не

разнообразны (премудрый, правосудный). Более широко представлена частнооценочная лексика, но эти единицы характеризуют события и людей, а не фигуру Петра I.

В тексте практически нет экспрессивной лексики, что позволяет говорить о его ориентированности на выполнение информативной функции. Об этом же свидетельствует и низкая метафоричность текста.

Третий текст, также принадлежащий И.И. Голикову, «**Подлинные анекдоты о Петре Великом**» посвящен событиям частной жизни Петра I. Он представляет собой промежуточный вариант по отношению к двум предыдущим текстам.

Характер референции в тексте: имена собственные здесь также носят реальный характер (Петр, царевна София, Лефорт) и это напрямую связано с ситуациями, описываемыми в тексте: они носят бытовой, не символический характер.

Упомянуты имена авторов текстов-источников, но в значительно меньшей степени. Топонимы также конкретны и позволяют установить точную локализацию события.

В целом наблюдается равновесное соотношение абстрактной и конкретной лексики. В тексте значительно больше используется экспрессивно окрашенной лексики, но цель ее – не столько воздействие на читателя, сколько выражения авторского отношения к описываемым событиям и людям.

Определение лексического состава текста позволяет перейти к *следующему этапу*: выявлению диктумного и модусного содержания.

Все три текста, представленные для анализа, реализуют основное диктумное содержание – жизнь и деяния Петра Великого, что отражено в заголовках текстов.

Однако способы реализации диктумной информации различны.

Первый текст. Несмотря на тематику, отраженную в заголовке, начало текста посвящено дочери Петра – Елизавете: ее рождению, восшествию на престол. Описание деяний Петра реализуется по плану.

Модусные смыслы текста многообразны и последовательно реализуются через все языковые средства. Как уже говорилось выше, большая часть лексики в тексте является экспрессивно окрашенной, имеет оценочное, метафорическое и символическое значение. Через лексические единицы последовательно реализуется образ авторской оценки описываемых событий и людей. Дополнительную экспрессию придают тексту многочисленные лексические повторы, позволяющие задать определенный ритм текста.

Посредством лексики реализуются и модусные смыслы коммуникативной направленности текста: автор озвучивает свои намерения – хваля Петра, похвалить Елизавету.

На грамматическом уровне реализуются модусные смыслы времени – в тексте соотношены время прошедшее (царствование Петра) и время настоящее (царствование Елизаветы).

Следует обратить особое внимание на использование в тексте прямой речи и связанный с ним модус авторизации. Здесь активно используются псевдоцитаты – оформление мысли автора в виде прямой речи от лица Елизаветы, России, что создает эффект достоверности и компетентности автора.

В этой связи стоит обратить внимание на такую категорию текста как информативность. Цель автора – не просто передать информацию о деяниях Петра I, но и создать положительный образ и даже придать ему мифологический характер.

Практически все синтаксические единицы в тексте носят оценочный характер. Можно говорить и о том, что данный текст как единый речевой акт является косвенным – выстраивая образ Петра, автор выстраивает образ Елизаветы.

По функционально-стилистической направленности текст может быть отнесен не к информативному жанру, а к публицистическому, связанному с эмоциональным моделированием информации. По своим параметрам текст ближе всего находится к политическому дискурсу.

Таким образом, в тексте формируется информационное поле, связанное с фигурой Петра I, но оно выступает фоном для формирования информационного поля, связанного с образом Елизаветы.

Во втором тексте основным объектом описания выступают деяния Петра I, но описание проведено более детально и ориентировано на передачу точной информации. Кроме авторского описания здесь приводятся цитаты – тексты указов, изданных Петром, а также цитаты из источников, несущие информацию о контроле за их выполнением.

Диктумное содержание текста включает не только фактографическую информацию, но и информацию аналитического характера – рассуждения автора о справедливости законов. Эта информация также объективируется введением цитат из научных источников и Библии. Хотя в данном случае можно говорить и о возникновении модусного смысла оценочности, автор привлекает те источники, которые позволили бы реализовать положительную оценку.

Модусные смыслы в целом в данном тексте крайне немногочисленны: это частнооценочная лексика и цитация. Автор текста стремится к информативности, а оценке он пытается придать рациональный, объективированный характер. В тексте последовательно реализуется информативная функция, преобладают информативные высказывания: описание, рассуждение.

По функционально-стилистической отнесенности текст принадлежит к информативному научному стилю.

Информационное поле Петра I выстраивается через последовательное описание его деятельности и соотнесение с информационными полями европейской науки и библейскими сюжетами.

Основная диктумная информация **в третьем тексте** связана с другими сферами: сферой бытовой, описанием событий личной жизни Петра, формированием черт его характера.

Описание реализуется по принципу изложения отдельных историй – анекдотов, последовательность которых не закономерна. Каждая история самостоятельна в тексте и представляет собой законченный рассказ, связанный с каким-либо событием из жизни Петра. Однако здесь последовательно реализуется смысл дополнительности этого текста: практически каждый анекдот сопровождается ссылкой на текст этого же автора – «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» [2]. Каждая история – это неофициальное освещение факта, изложенного в «Деяниях». Это говорит о том, что сам автор оценивает статус текста как более низкий.

Несмотря на информативную ориентированность текста, модусные смыслы присутствуют и они достаточно разнообразны.

Доминирующим является модус оценки, который реализуется через оценочную и экспрессивно окрашенную лексику.

С модусом оценки тесно связаны другие модальные смыслы: авторизации и достоверности. В тексте они реализованы за счет выстраивания псевдореальных диалогов, которые придают динамизм и драматизм событиям, описываемым в тексте.

Присутствует в тексте и прямая цитация, но она также носит неофициальный характер – не всегда указывается определенный автор высказывания.

Характер информативности в данном тексте неоднозначен: с одной стороны, мы имеем дело с очевидно выраженной функцией информирования, с другой – здесь есть и функция эмоционального воздействия при описании образа Петра. Мы можем говорить о том, что цель автора – не только передать информацию о Петре I, но и выразить личное отношение к нему, создать его положительный образ.

По функционально-стилистической направленности текст может быть отнесен к информативному жанру, но разговорному, неофициальному.

В тексте формируется информационное поле, связанное с неофициальным образом Петра I.

Таковы первые результаты проведенного комплексного историко-лингвистического исследования русской историографии второй половины XVIII века, которые позволяют сделать вывод о том, что характер формирования информационных полей в тексте напрямую связан с коммуникативными, прагматическими установками автора текста. С ними же связано и формирование информационного поля в сознании читателя текста.

Основным результатом исследования стало изучение возможностей применения информационного подхода к анализу историографических источников, а также применение лингвистических методик для «развертывания» латентной информации, содержащейся в историографическом тексте. Решение практических вопросов исследования исторической информации позволяет осмыслить информацию как историческую категорию и исследовать ее роль в развитии социума, механизмы влияния информации на общественное развитие. Комплексные методы исследования информации, примененные в проекте, позволяют изучать не только зафиксированную в историческом источнике информацию, но и ее природу, механизмы возникновения и движения информации в истории и другие вопросы, связанные с пониманием сущности исторической информации. Проведенное исследование подтверждает, что «чисто историческое» исследование сегодня невозможно: даже в области нарратива историк оказывается связан с лингвистическими методами, методами текстологического анализа, без которых работа с текстовыми источниками не может быть эффективной.

Проведенный анализ подтверждает предположение о том, что провинциальная историография становится во второй половине XVIII в. полноправной участницей превращения исторических знаний в науку. Однако она не может быть сведена к краеведению, так как проблематика работ провинциальных историков значительно шире. Это не только «местные истории», но и попытки заглянуть в наиболее значимые с их точки зрения события общерусского масштаба.

В работах провинциальных историков нашли отражение массовые представления о прошлом. В сознании людей этого времени уже начинает складываться определенное понимание историзма, что делало их представления о прошедшем и настоящем времени более объемными, помогало вернее оценить свое время и события русской и мировой истории. В конце XVIII столетия делались первые попытки связать в единый исторический процесс старое и новое, определить «пользу» исторических знаний, их практическую и воспитательную роль, выяснить политический опыт истории, – одним словом, наблюдался переход от «писания истории» к ее «изучению».

Исторические знания приближались одновременно и к запросам практической жизни, и к науке. В связи с этим возрастала роль исторического источника, что проявлялось в постановке задачи критики источника.

Для провинциальных историков характерно было чувство некоторой социальной неполноценности, связанное, очевидно, с отсутствием упорядоченного образования и своеобразным провинциализмом. Они считали себя не в праве претендовать на толкование общероссийской истории, но в оценке местных событий прошлого проявляли спокойную уверенность и демонстрировали собственное превосходство над столичными авторитетами.

Провинциальные историки принадлежали к числу непрофессиональных историков, получивших домашнее образование и самостоятельно развивших свой интерес к истории. Вместе с тем, провинциальная историография второй половины XVIII века если и уступала «большой», имперской, то лишь в мастерстве интерпретации источников и в применении приемов их исследования. Она отличалась широтой и разнообразием привлекаемых материалов.

Результаты проведенного анализа подтверждают, что информационный подход расширяет возможности историографического исследования, актуализирует возможность применения комплексных историко-лингвистических методов для работы с историографическими источниками. К преимуществам этих методов можно отнести возможность избежать влияния исследователей на изучаемый объект, достижимость высокой степени надежности получаемых данных, объема и скорости анализа с применением компьютерных методов обработки информации.

Не менее значимыми представляются научные результаты в области лингвистики: описание нового типа дискурсивного пространства, обладающего определенной спецификой (задача объективизированного отражения чужой для автора исторической эпохи влечет за собой ситуацию, в которой происходит взаимодействие разных типов картин мира: временных, субъективно-объективных, научных, обыденных и т.п.). Апробирование лингвистических методик (структурно-семантических, когнитивных, машинной обработки) на новом виде дискурса позволило, с одной стороны, выявить универсальные и специфические черты различных видов дискурса, с другой – уточнить и скорректировать конкретные методики и методологические принципы анализа, что особенно важно для междисциплинарных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Уч.пос. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. В 12 частях. М., 1788-1789.
3. Голиков И.И. Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1798.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
5. Лакофф Дж. Когнитивная семантика //Язык и интеллект. М., 1996.
6. Ломоносов М.В. Слово похвальное блаженным памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года. Б.г., б.м.
7. Можяева Г.В., Котляров А.Н. У истоков провинциальной историографии// Вестник Томского государственного педагогического университета: Вып. 3: Серия: Правоведение. История. Томск, 1997.
8. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Ярославль, 1988.
9. Семенюк Э.П. Информационный подход к познанию действительности. Киев, 1988.
10. Степанов Ю.С. Идеи и методы современной лингвистики. М., 2001.
11. Степанский А.Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12.
12. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Прикладная лингвистика. М., 1983.